

Дуракам и философам политика не нужна

Пауло КОЭЛЬО уже давно перестал быть просто бразильским писателем и к 55 годам обрел статус культового мастера мировой литературы. Его роман "Алхимик", переведенный четыре года назад на русский язык, стал бестселлером. И к удивлению самого мэтра начал пользоваться бешеным успехом у двенадцатилетних подростков. "Может, они путают меня с Гарри Поттером?" — спрашивает писатель. А подростки между тем сумели проитудировать и книгу "Вероника решает умереть", и роман "Пятая гора". Когда в сентябре прошлого года Коэльо приезжал в Россию, у нас это сочли главным событием месяца. Живых классиков в современном мире раз-два и обчелся. Сам же он читит Борхеса, Генри Миллера и Уильяма Блейка и считает, что в принципе знаний, подаренных человечеству этими авторами, уже достаточно. Но сам Коэльо тем не менее продолжает писать. Его новый замысел пока не имеет названия, и он не очень охотно про это говорит. Но, так или иначе, план зреет.

— Говорят, вы очень консервативный человек. Вы не любите компьютер. И чуть ли не сочиняете от руки, вызывая тем самым скепсис со стороны коллег.

— Да, реформатор из меня никакой. Я работаю за тем же старым столом, за которым написал свой первый роман. Некоторые считают, что из суеверных соображений, ничего подобного. Просто мне лень выкинуть эту рухлядь.

— Или она вызывает в вас сентиментальные воспоминания?

— Не без этого, наверное, но у меня и так хорошая память — я бы мог запомнить стол во всех подробностях. И втайне грустил бы о нем. Но пусть стоит. Знаете, место для работы не обязательно должно быть мистическим. Компьютер я использую, если очень сильно начинает болеть рука — ревматизм. А так, конечно, предпочитаю ручку.

— Ручка стимулирует вдохновение?

— Да нет. Вдохновение вообще нечасто меня посещает. Поэтому я пытаюсь писать очень быстро. Все мои книги сочинялись от 14 дней до месяца. Потом я, как наевшийся человек, беру тайм-аут. И стараюсь больше к книге не возвращаться.

— А как же редакция, размышления, всякие тайны профессии?

— Все, самое лучшее, за месяц. И потом долгое время не перечитывать. Вплоть до самой корректуры. И каждый раз — ощущение: я совершил поступок на одном дыхании, не обдумав, не приняв решения. Конечно, это не так. Конечно, я вкладываю жизнь в свои сюжеты. Но в силу эмоциональной неуравновешенности — такова природа, — завершив труд, впадаю в депрессию. По молодости я каждый раз пытался бросить ремесло. Особенно если мне приходило в голову перечитать Блейка. Но потом смирился с тем, что Блейк — это Блейк. Тем более что процесс мне нравился. А книги пользовались популярностью. Потом меня невероятно занимало то, что любое неосуществленное в жизни дело я мог осуществить на страницах своих книг. Мог быть любовником. Убийцей. Президентом. Магом. Я понимаю, что такое раздвоение личности. Оно идет от дикого, подсознательного желания превзойти себя. И сделать невозможное. Природа писателя это позволяет.

— Правда, что у вас никогда не бывает набросков, черновиков?

— Ничего такого. Я сразу пишу набело. Все по той же причине! Чтобы быстрее закончить. Я специально заставлял себя писать каллиграфически. Раз — и все. И набело. И навечно. И в очередное путешествие. Или гулять с собакой. Все считают: это у меня от необыкновенной уверенности в себе.

— Вас начали обожать подростки.

— Потому что я не морализирую. Я пишу так, чтобы вообще никто не понял, что у меня на мир какие-то серьезные виды. Мои книги — мое зеркало. До остальных мне не очень много дела. И я иногда даже думаю: Господи, я так мало меняюсь. Мне с таким скрежетом дается взросление, мудрость. Мне так не хватает отстраненности, разумного цинизма. Я так уязвим. Про что я могу написать для людей? Про свою уязвимость?

— Это тоже тема.

— Да, я тоже так думаю. Но глупо притворяться, что с такими чувствами мне хочется на кого-то влиять. Хочется, чтобы я был интересен миру. Это да. Хочу написать, как я был хиппи. И что наркотики для меня были как бижутерия. Мог ими играть и играть. Потом надоело — бросил. Я

знаю, как давит на мозги ЛСД. И как выглядит тот туман, что он напускает на тебя.

— То есть вы не боитесь испортить поколение?

— Удивить молодежь тем, что кто-то принимал наркотики, трудно. Я могу озадачить их другим: тем, что бросил, потому что потерял к ним интерес. У меня появилась любовь в жизни, настолько могучая, что всякий допинг только мешал. А я хотел ощутить любовь каждой клеточкой своего организма. Всеми легкими.

— Однако известно, что у вас когда-то были серьезные проблемы с полицией из-за наркотиков...

— Дело не в наркотиках. В 60-е годы я сочинял песни вместе с очень известным бразильским певцом Раулом Сейкса. Наши песни несли в себе свободолобивый дух, выступали против милитаризма. Не только в России оттаивал снег. Бразилия тоже шумела. Хиппи буквально загроудили страну. Мы жили под открытым небом, как трубадуры, присоединившиеся к мировой оттепели. Там же выступали. Организовывали концерты, где могли. Сперва нас не трогали. Потом ласково заявили, что вся эта музыка — плохо. И стоит на время припрятать гитару в шкаф. Мы плюнули на пожелание властей. Второй раз нас арестовали, но быстро выпустили. Ну а позже уже расправились по-настоящему. По-бразильски. Меня, Раула и нескольких товарищей затолкали в пустой подвал, раздели и отобрали одежду. Потом туда начали запускать ледяную воду. Два раза на дню. И еще все время гудела полицейская сирена. Ад. Сейчас мы

это называли бы гонениями на демократию и призвали бы на помощь все мировое сообщество, а тогда нужно было молчать в тряпочку и благодарить Бога за то, что сумели выбраться живыми.

— И вы никогда больше не занимались ни политической, ни общественной жизнью?

— Дураки и философы этим заниматься не должны. Это слишком ответственно. Когда-то меня пригласили на Давосский форум. Не как борника глобализма, а как культурного человека, владеющего некой культурной информацией.

— Да. Про это очень много писали.

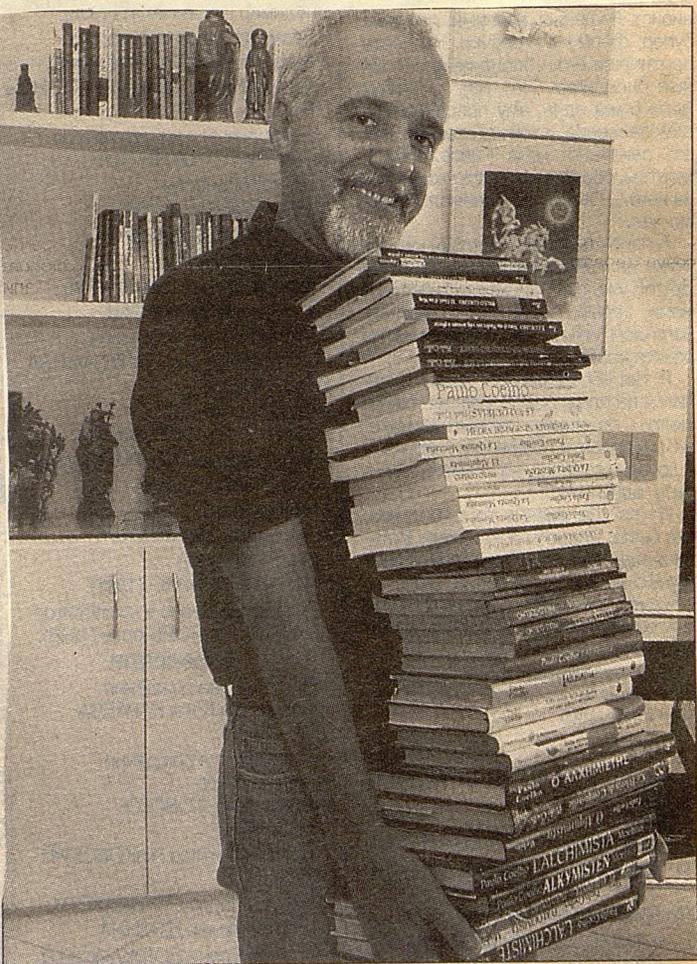
— Я участвовал в трех семинарах на очень важные для меня темы — "Приоритеты прошлого века", "Культура и спиритизм", "Поиски глобального Бога". И я что-то говорил, рассуждал о культуре. Сказал, что культура, в сущности, внутреннее дело каждой нации. Ее источник жизни. Поэтому культура в первую голову должна служить своей стране. Что-то еще сказал. И вдруг понял, что от меня ждут какой-то истины! Интересная вещь — современный человеческий мозг. Машина-потребитель, она все время хочет глобальных откровений. Раз я известный писатель, значит, владею какими-то истинами. Зачем все постигать умом? Любите Бога, и вы его обрящете без меня и без других светочей. Любите, и все. А психоанализ оставьте для другого.

— О чем будет ваша новая книга?

— О том, что апокалипсис не наступит. И впереди у нас — вечность. И с ней надо как-то ладить. С ней надо уживаться. Представляете, человек утром просыпается и узнает, что ему жить без конца. Что он испытает? Сначала радость, затем шок. Потом ужас. Жить вечно. Я хочу, чтобы читатель этого испугался.

По материалам зарубежной прессы подготовила Лиза РОЛСОН

5.02.03.

П. Коэльо